

20. *Posol Kazakhstana Ye. Kazykhanov prinyal uchastie v seminare «Kaspiyskiy region: izmenyayushchaya geopolitika i vliyaniye tsen na nefi» v Parlamente Velikobritanii.* Rezhim dostupa: <http://thenews.kz/2015/03/18/1791317.html>, svobodnyy. Zagl. s ekrana. Rus. yaz.

21. Stankevich G.V., Kosov G.V. Yevroislam kak sposob integrirvaniya musulman v evropeyskoye soobshchestvo (na primere politicheskoy zhizni Velikobritanii). *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura.* 2015, no. 1 (42).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ТЕРМИНАХ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Филипенко Евгений Валерьевич, аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27
E-mail: abkbgtyrj@gmail.com

В статье проводится систематическое исследование феномена политической культуры с использованием методологии мир-системного анализа в его версии, разрабатываемой И. Валлерстайном. Демонстрируются недостатки концепции «политической культуры» Г. Алмонда и С. Вербы. Рассматривается возможность изучения политической культуры и политического поведения одновременно с позиций классового подхода (классовой борьбы) и в терминах «статусных групп». Показывается, что подобный подход возможен при рассмотрении зависимости политической культуры от процессов, происходящих в мир-системе. Одним из следствий данных процессов является возникновение геокультуры как культурного модуса господствующей мир-системы и способа ее легитимации. Геокультура также задает стандарты культурных форм и поглощает протестные проявления. Показывается, что стратегии универсализма и антиуниверсализма (расизма и сексизма) двойственным образом влияют на конструирование политической культуры и включение групп в различные зоны мир-системы («центр», «полупериферия», «периферия»). Культура становится ареной борьбы за право более привилегированного включения в современную мир-систему. Отмечается роль социальных изменений, призванных скрыть антагонистический характер протекающих в мир-системе процессов. Демонстрируется эвристическая ценность концепции «перманентной революции» для исследования данных изменений и объяснения их причин. Предлагается альтернативный взгляд на «культурную политику». Последняя перестает трактоваться только как одна из отраслей политики, но рассматривается как стратегия использования культуры для легитимации социально-политического устройства.

Ключевые слова: мир-системный анализ, И. Валлерстайн, центр, периферия, полупериферия, геокультура, классы, классовая борьба, статусные группы, универсализм, антиуниверсализм, расизм, сексизм, меритократия, антисистемные движения, «перманентная революция», культурная политика

POLITICAL CULTURE AND CULTURAL POLICY IN TERMS OF WORLD-SYSTEM ANALYSIS

Philipenko Evgeniy Valerevich, postgraduate student

Lomonosov Moscow State University
27 Lomonosovsky Av., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: abkbgtyrj@gmail.com

The article investigates political culture. The methodology of I. Wallerstein's world-system analysis is employed as a foundation of this investigation. There are some disadvantages of G. Almond – S. Verba's conception are considered. Significant problem of contradictions between classes ("class struggle") and status groups is resolving in world-system perspective. Geoculture is cultural modus of modern world-system and a way of its legitimation. Different standards of legitimate cultural forms are caused by geoculture. Moreover, geoculture co-opts different ways of cultural resistance. The paper demonstrates, that universalism and particularism (as racism and sexism) has ambivalent influence on political culture, political behavior and cooptation different social groups into different zones of the world-system ("core", "semi-periphery" and "periphery"). Culture is a battleground for preferences inside the world-system. Nation is result of class struggle and political design of the modern world-system. Social changes are used to covering antagonistic character of process inside world-system. That's why conception of "permanent revolution" can be used as explanatory model for mode of legitimation and masking current world-system's political structure. From the standpoint of geoculture cultural policy is not the only type of interaction between culture and politics. Alternative view is cultural exploitation for explanation of political changes and legitimation of political process.

Keywords: world-system analysis, I. Wallerstein, "core", "semi-periphery", "periphery" geoculture, class, class struggle, status groups, universalism, particularism, racism, sexism, meritocracy, antisystem movements, "permanent revolution", cultural policy

С момента написания Габриэлем Алмондом в 1956 г. статьи «Comparative Political Systems» прошло более полувека. За этот период понятие «политическая культура» прочно вошло в арсенал представителей политической науки. Однако в последние годы критики нередко отмечают, что термин политическая культура – пустое понятие.

Стало очевидным, что даже уточненное Г. Алмондом и С. Вербой понятие «политической культуры» как отражения политических ориентаций людей и совокупности их мнений относительно политической системы и своей роли в ней является крайне неэффективным и спорным.

Спустя годы Г. Алмонд и С. Верба несколько пересмотрели свои взгляды по данному вопросу, выразив сомнение в том, что «структура политических институтов и их легитимность объясняются простыми ссылками на рациональный эгоистический интерес. <...> Очевидно, что ни патриотизм, ни привязанность к своей общине, ни религиозные ценности и даже просто привычки и традиции невозможно исключить их множества факторов, объясняющих политическую структуру и легитимность» [2, р. 20]. В таком виде концепцию Г. Алмонда и С. Вербы весьма сложно опровергнуть. С позиций критического рационализма К. Поппера это могло бы означать, что их концепция является не фальсифицируемой, а, следовательно – ложной.

Альтернативный взгляд на политическую культуру был развит в концепциях, изначально сфокусированных вовсе не на политической системе. Есть все основания утверждать, что многочисленные варианты «теории зависимого развития» стали своеобразным модусом компаративистских исследований. При этом их отличительная особенность – рассмотрение государственных систем не в статике, а в динамике. Еще дальше пошли представители мир-системного анализа, которые вынесли государство за скобки исследовательской программы, поставив в центр рассмотрения «мир, взятый как систему».

Ключевой представитель мир-системного анализа Иммануил Валлерстайн рассматривает современную мир-систему как капиталистическую мир-экономику. Под ней он подразумевает «географически обширную зону, внутри которой существует разделение труда, происходит внутренний обмен основными важнейшими товарами, а также движутся потоки труда и капитала. <...> Мир-экономика не связана единой политической структурой, люди, живущие в ней, исповедуют разные религии, говорят на разных языках» [10, с. 86].

В качестве эмпирического базиса для разделения современной мир-системы на «центр», «периферию» и «полупериферию» Валлерстайн называет существование товарных цепей, преимущественное движение по которым осуществлялось от периферии к ядру. «Говорить о товарных цепях – это говорить о расширенном разделении труда, которое в процессе исторического развития капитализма становилось все более функциональным и географически охватывало все большие территории, становясь одновременно более иерархичным» [9, с. 88]. Иерархизация разделения труда имела следствием его пространственную локализацию, то есть у «ядра» и «периферии» стали появляться вполне отчетливые границы.

Описание капиталистической мир-экономики Валлерстайн резюмировал в 12 характеристиках. Обратимся к тем из них, которые представляют интерес в свете рассмотрения политической культуры:

- «непрерывное накопление капитала как движущая сила мир-экономики;
- осевое разделение труда, в котором отношение «ядро-периферия» основывается на неэквивалентном обмене;
- важное и постоянно сохраняющееся значение ненаемного труда наряду с наемным;
- совпадение границ капиталистической мир-экономики с границей межгосударственной системы;
- возникновение капиталистической мир-экономики сначала в одной части мира (преимущественно Европа) и ее дальнейшее распространение по всему миру путем включения новых территорий;
- незначительный характер государства, этнических групп и домохозяйств, постоянно создававшихся и воссоздававшихся;
- системообразующая необходимость расизма и сексизма» [7, р. 289].

Отходя от социетального изучения политических процессов, Валлерстайн постулирует существование геокультуры как культурного основания господствующей мир-системы. Понятие «геокультура» используется Валлерстайном для обозначения доминирующего в мир-системе комплекса идей и ценностей, восходящих к Великой Французской революции, ставшей победой буржуазии как подлинно капиталистического класса. Доминирующей идеологией современной мир-системы по мнению Валлерстайна был либерализм, а главной задачей и артикулируемой ценностью – развитие. То есть геокультура либерализма – это геокультура развития. Что сопровождает процесс развития? Прежде всего – изменения.

В этой связи перед нами в новом свете открывается парадокс, суть которого была показана еще в марксизме. В «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс показали «Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и

всей совокупности общественных отношений» [17, с. 427]. В «Немецкой идеологии» утверждается, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила» [16, с. 45]. Получается, что постоянное изменение общественных отношений с необходимостью повлечет за собой изменения в сознании, осуществляющим их рецепцию. С момента написания Марксом и Энгельсом своих работ капитализм сильно эволюционировал, однако задача сохранить стабильность политической системы в условиях стремления к бесконечному росту капитала, растущей поляризации классов и новых технологических изменений осталась. Скрыть антагонистический характер общественных процессов можно, поставив изменения себе на службу и специально усложнив картину социальной реальности. Так возникает трудно уловимый «средний класс», ставший иконой современных политиков, и не менее чарующий «креативный класс», с которым также связываются не менее большие надежды, но концептуализация которого остается по-прежнему дескриптивной.

Вот почему политика начинает трактоваться как достижение баланса многочисленных интересов, достижение консенсуса и поддержание стабильности как самоцели. Подобный ракурс рассмотрения объясняет происхождение взглядов М. Вебера и идущей от него традиции, рассматривающей огромное многообразие «статусных групп» внутри неочерченных экономических классов, существующих как «идеальные типы».

Возникает вопрос, можем ли мы объяснить стратификацию статусных групп, их иерархию в терминах классового антагонизма и преодолев при этом наблюдаемое отсутствие консолидации классовых интересов? Мир-системный анализ как раз дает нам иной масштаб рассмотрения проблемы, альтернативную систему координат.

Подтверждая отмечаемые многими исследователями сходства в политической системе различных государств («В каком государстве сегодня нет определенных стандартных политических форм: законодательного органа, конституции, бюрократии, профсоюзов, национальной валюты, системы образования? В самом деле, в очень немногих!») [8, с. 133]), Валлерстайн дает им альтернативное объяснение, отказываясь оценивать унификацию политического устройства по западноевропейскому образцу как выстраивание прогрессивной политической системы. Подобное явление – результат гомогенизирующего влияния капиталистической мир-экономики, в условиях которой национальным государствам приходится бороться против крайностей «эксплуатации» (в ходе неравного обмена и невыгодной торговли) и «исключения» из участия в процессах мир-экономики (детальное рассмотрение эксплуатации и исключения можно найти у другого представителя мир-системного анализа Джованни Ариги).

Конечной целью и одновременно текущим требованием становится требование «приобщения к тем формам, которыми уже обладают наиболее привилегированные страны» [8, с. 133]. Таким образом, геокультура становится своеобразным инструментом для формирования последующего единообразного политического ландшафта посредством выравнивая ландшафта культурного.

При этом очевидно, что конечные формы национальной культуры и политической системы не будут полностью идентичными в разных странах, в чем порой непоколебимо убеждены апологеты теории глобализации. И дело не только в «национальной специфике» (кстати, именно утверждение национальной специфики является одним из постулатов геокультуры: «Основу геокультуры развития составляют три убеждения: (а) что государства, являющиеся настоящими или будущими членами Организации Объединенных Наций, политически суверенны и, по крайней мере, потенциально, экономически автономны; (б) что каждое из этих государств имеет фактически только одну, по крайней мере одну преобладающую и исконную, национальную «культуру»; (с) что каждое из этих государств с течением времени может отдельно «развиться» [8, с. 213]. Национальная специфика – тоже продукт диалектического взаимодействия этно-конфессиональных и культурных факторов, классовой борьбы, конкуренции элит (в общем виде – национальной и компрадорской буржуазии) и поисков стратегий встраивания в мир-систему (см. выше – «эксплуатация» и «исключение»). Вопреки кажущейся умозрительности подобной концепции, политическая реальность подтверждает данные тенденции. Вот что говорят исследователи стран исламского мира: «... в большинстве мусульманских государства на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Азии экономика и торговые связи ориентируются на западные стандарты, хотя и испытывают влияние отдельных исламских принципов <...> Кроме того, здесь достаточно активно разрабатываются концепции исламской этики бизнеса, которые могут влиять на деловую практику в условиях рыночной экономики» [19, с. 85].

В мир-системном масштабе рассмотрения, мы сможем иначе интерпретировать подмеченную Б. Пауэлом-младшим и С.Алмондом культурную двойственность, когда «в молодых государствах малочисленная элита «социализирована в рамках особых универсалистских прагматичных ориентаций, представляющих «современную культуру», а подавляющее большинство населения остается связанным закостеневшими, расплывчатыми и не описательными моделями традиции» [1, р. 72]. Действительно ли политическая культура является «субъективным пространством, положенным в основу политических действий и определяющее их»? [1, р. 50].

Однако использование классовой борьбы как универсальной объяснительной схемы было бы вульгаризацией, которую не позволял себе ни Маркс, ни представители мир-системного анализа. Изучение классового аспекта в сознании тех или иных групп позволит нам более полно охарактеризовать культурные контрверсы между «политической культурой» элиты и эксплуатируемого большинства. «Универсалистские ориентации» элиты есть ни что иное как «тенденция в развитии буржуазии к мировому культурному стилю – в потреблении, досуге, языке и т.д.» [6, р. 749; 8, с. 410]. При этом стоит отметить, что позиция Валлерстайна не столь односторонняя, как может показаться на первый взгляд. Двойственный характер буржуазии и пролетариата диалектически обнаруживается в существовании иной тенденции: стремлении буржуазии к использованию государства для усиления своих позиций на внешних рынках по отношению к конкурентам и для защиты от трудящихся классов внутри страны. При этом пролетариат в борьбе за свои права часто переходит к националистической риторике. Валлерстайн объясняет это тем, что национальные государства – наиболее доступный механизм отстаивания своих интересов: «и буржуазия, и пролетариат выражают свое сознание на уровне, не соответствующем их объективной экономической роли. Их интересы производны от функционирования мироэкономики, а они стремятся обеспечить свои интересы, воздействуя на национально обособленные государственные машины, обладающие на самом деле лишь ограниченной (но, тем не менее, реальной) властью влиять на функционирование этой мироэкономики» [8, с. 411]. Вот почему, утверждает Валлерстайн, нет ничего удивительного в том, что «особые сегменты мировой буржуазии или мирового пролетариата могут дрейфовать от, скажем, панторкизма к ланисламизму, к базирующимся на классе или базирующимся на нации движениям в течение считанных десятилетий, отражает не непоследовательность борьбы, но трудности прокладывания курса, который мог бы разрешить противоречие: объективные классы мироэкономики / субъективные классы в рамках государства» [6, р. 749; 8, с. 412]. Субъективная возможность позиционирования себя в качестве той или иной «статусной группы» нередко может полностью отодвинуть на второй план классовый подход в политическом сознании тех или иных сообществ (в том числе групп, которые представители традиционного крыла политической науки обычно называют «элитами»). При этом «степени свободы» при таком позиционировании будут задаваться положением государства в мир-системе и его экономическим укладом. Российская политическая жизнь может послужить примером того, как несмотря на наличие «передовых демократических институтов», политическая культура приводит к доминированию ценностей по типу сословного общества (лояльность как критерий профессионализма, доступ к привилегиям по статусному принципу), в условиях рентной экономики «ресурсного государства». Подробно эта концепция рассмотрена С. Кордонским.

Говорить о том, что всякое многообразие политического поведения предопределено рамками существующих структур и институтов мир-системы означало бы крайность макро-редукционизма. Очевидно, что индивиды наделены некоторой свободой выбора своих политических и, в конечном счете – мировоззренческих стратегий. Но независимо от того, в классовых категориях или на языке идентичностей и статусных групп индивиды определяют свои ценности, их установки тем или иным образом окажутся соотносительными с мир-системой. Условно говоря, все они будут восприняты как укладывающиеся в стратегии универсализма или антиуниверсализма (партикуляризма), представленного в виде расизма и сексизма. Универсализм и расизм / сексизм – не противоположные стороны, но симбиотическая пара. Очевидно, что неравный обмен, эксплуатация (или исключение) должны быть легитимизованы. Наиболее фундаментальными (в смысле почти неоспоримыми) критериями будут расистские и сексистские аргументы. Когда объясняются причины неудач или успехов той или иной группы (вплоть до экономической отсталости или мощи государства) сексистская логика будет апеллировать к мужской природе (волевой, рациональной, решительной, целеустремленной) или женской сущности (податливой, самое главное – требующей постоянного внимания, руководства и опеки). Расизм в свою очередь призван выступить оправданием для ограничения политических возможностей низших групп (внутри государства), а интериоризация ценностей господствующих групп позволяет в случае необходимости эксплуатировать низшие группы якобы по их собственному желанию. На межгосударственном уровне (хотя Валлерстайн и отвергает специфич-

ность данного ракурса рассмотрения, поскольку каждое государство является эндогенным фактором мир-системы) расизм выступает аргументом в политической риторике для выталкивания тех или иных стран (или даже конгломератов государств) на периферию «мир-системы».

В этой связи универсализм предстает перед нами как признание за всеми (как индивидами, так и этносами и государствами) неотчуждаемых прав на самоопределение, и – что не менее важно – возможности достижения успеха, аналогичного лидерам мировой системы. При этом универсалистские ценности – это те положительные нормы современности, которые задают стандарты образования, культурного потребления, досуга и соответствие которым позволяет индивидам и сообществам занять более высокое место в иерархии современной мир-системы. На примере колониальной политики метрополий Валлерстайн показывает, как права человека использовались для отделения индивида от коллективной общности: «В первой половине XX в. консерваторы часто обращались к теме прав человека, чтобы оспорить права народов. Они доказывали, что население колоний – это не подлинные «народы», а просто совокупность индивидов, чьи личные права человека могут быть признаны, когда индивид имеет достаточный уровень образования и освоил в достаточной мере западный стиль жизни, доказывая, что он – очень редко она – достиг статуса «цивилизованной личности». Это была логика доктрины формальной ассимиляции, которой пользовался ряд колониальных держав (например, Франция, Бельгия и Португалия)» [8, с. 199].

В этом ключе весьма оригинальным образом перед нами предстает такой политический феномен как меритократия. «Власть достойных» – это способ снять социальное напряжение посредством трактовки современной мир-системы как универсально открытой для талантов и возможностей. Эти возможности представляются для любого, но не каждого и в независимости от расы, языка, социального – считай, классового – происхождения через институты образования, построения карьеры в транс-национальных компаниях и общественно-политических организациях «центра» мир-системы. Однако итогом данного процесса (а, по сути – его условием) станет приобщение индивида к ценностям универсализма, приверженность к идеалам «культуры прогрессивного человечества». Таким образом, индивидуалистические ценности познания, достижения успеха, самореализации нередко используются мир-системой для ее собственной легитимации. Это во многом объясняет подмеченную Г. Алмондом и С. Вербой тесную зависимость «гражданской культуры» не только от структурных и исторических факторов, но и уровня образования безотносительно к национальным границам. На эту взаимозависимость обратил внимание другой американский политолог С. Липсет [5, р. 201].

Как было показано выше, классовый подход не исключает иных способов как теоретической концептуализации, так и практически реализуемых стратегий социального поведения и политических ориентаций. Однако утверждать безальтернативность данного состояния означало бы неизбежность современной мир-системы. Движущую силу ее трансформации должны будут составить так называемые «антисистемные движения». Прежде всего, они стремятся преодолеть двойное структурное неравенство: между трудом и капиталом – между центром и периферией. Более подробных характеристик Валлерстайн не дает. Однако замечает всю трудность стоящей перед ними задачи. Опять же, эта трудность заключается в способности капиталистической мир-экономики кооптировать любое сопротивление, сводя на нет его влияние. В качестве примера можно привести такой современный феномен как «дауншифтинг», ставший своеобразным форматом альтернативного потребления, нередко коммерциализирующийся, а главное – неочевидным образом тесно связанный с существующими элементами и институтами мир-системы и невозможный без них. Казалось бы, культурное сопротивление – наиболее заповедный уголок такого сопротивления – вынуждено интегрироваться в существующие структуры, чтобы иметь возможность диалога. Интеграция в эти структуры (в том числе активистов культурного сопротивления) автоматически ведет к их легитимации, как это было с меритократией. Альтернативный вариант – одиночные стратегии сопротивления [8, с. 144]. Очевидно, что их бесперспективность обусловлена их слабостью (выражающейся как в неспособности обратить на себя внимание, так и противостоять подавлению) или риском крайней маргинализации. Вопрос о наиболее эффективных стратегиях культурного сопротивления Валлерстайн оставляет открытым.

Пытаясь объяснить причины успехов действующих институтов мир-системы, вернёмся к отмеченным в начале статьи изменениям, поставленным на службу капиталистической мир-экономике. В этой связи весьма парадоксальным образом перед нами раскрывается концепция «перманентной революции», разработанная в работах Л. Троцкого. После перехода от буржуазной революции к социалистической (что сейчас можно трактовать как частный случай в схеме Троцкого), социализм может удержать свои позиции только в условиях: 1) перманентного революционного изменения своего социального и культурного порядка и 2) перманентной

экспансии революции за границы государства, в котором она уже свершилась. Внутренние изменения Троцкий сравнивает с «непрерывной линькой» общества, отмечая, что «Революция хозяйства, техники, знания, семьи, быта, нравов, развертываются в сложном взаимодействии друг с другом, не давая обществу достигнуть равновесия. В этом – перманентный характер социалистической революции как таковой» [20, с. 310]. Что касается экспансии революции, то она согласно Троцкому, «вытекает из нынешнего состояния экономики и социальной структуры человечества <...> при изолированной пролетарской диктатуре противоречия, внешние и внутренние, растут неизбежно вместе с успехами. Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство, в конце концов, должно было бы пасть жертвой этих противоречий. Выход для него – только в победе пролетариата передовых стран» [20, с. 311]. Очевидно, что современная капиталистическая мир-экономика полностью удовлетворяет критериям перманентного революционирования и перманентной экспансии (о ней мы упоминали выше в связи с ключевыми критериями мир-системы, отмеченными Валлерстайном). Подтверждение тому – декларируемый многими исследователями переход в фазу «постиндустриального общества». Его базовые принципы функционирования мало чем отличаются от общества индустриального (при этом многими теоретиками вообще не проговариваются), меняясь лишь в своих конечных воплощениях: информатизация различных процессов, снижение роли физического труда, повышение роли образования. В общем виде, «революционность» происходящих в постиндустриальном обществе изменений можно охарактеризовать как более высокий темп технологического обновления производства по сравнению со скоростью обновления субъектов данного производства.

Подводя некоторый предварительный итог, можно отметить, что И. Валлерстайн не рассматривает «политическую культуру» как таковую, акцентируя свое внимание на геокультуре как общей рамки рассмотрения процессов, в своих культурных аспектах так или иначе связанных с политикой. С этой точки зрения перед нами по-другому открывается понятие «культурной политики». Традиционно в политической науке принято рассматривать культуру политики как одну из отраслей практической политики – деятельность правительства и неправительственных организаций в сфере культуры. Под «культурным суверенитетом» в этой связи понимается независимость и автономность институтов в культурной отрасли политики. Однако, как было показано выше, политика существенным образом укоренена в культуре.

В связи с чем можно рассматривать культурную политику как использование культуры для реализации политических программ, их легитимации и индоктринации. В таком случае культурный суверенитет будет означать способность к самостоятельности выбора культурной оболочки (традиции, стратегии) проведения политики. Многие современные исследователи независимо от И. Валлерстайна и намного позже него продемонстрировали сходную точку зрения по данному вопросу. О. Генисаретский отметил принципиальную невозможность игнорировать ценностные основания при проведении проектной работы в сфере культурной политики (в узком понимании данного термина) [11]. Его коллега С. Градировский определяет культурную политику «апофатически», отмечая, что она не является ведомственной (отраслевой) политикой, не сводится к культуропользованию и даже не представляет собой культуросообразной деятельности, то есть не ограничивается проведением «культурной экспертизы» (по аналогии, например, с экологической) [12].

В истории можно обнаружить конкретные примеры культурной политики в ее «мир-системном» понимании. Как пишет А.И. Колганов, в СССР формирование антибуржуазной культурной традиции играло существенную роль, выполняя компенсирующую функцию и «восполняя недостаток материально-технических, экономических, социальных и политических предпосылок социализма» [13, с. 505]. Очевидно, что данное положение дел имело место быть в условиях доминирования геокультуры капиталистической мир-экономики, несмотря на отдельные успехи по созданию альтернативного варианта мир-системы.

В качестве заключения стоит отметить, что мир-системный анализ, несмотря на присущие ему родовые недостатки (определенный экономцентризм, схематизация при объяснении макропроцессов), предлагает нам альтернативную систему координат для рассмотрения и оценки политических процессов. Немаловажную роль, прежде всего, играет необходимость рассмотрения явлений в масштабе их возможной связи со всеми сегментами (зонами) мир-системы и соотношении с ключевыми процессами, происходящими в ней.

Список литературы

1. Almond G. Comparative Politics: A Developmental Approach / G. Almond, B.-Jr. Powell. – Boston : Little, Brown & Co., 1966.
2. Almond G. The Civic Culture Revisited / G. Almond, S. Verba. – Boston : Little Brown, 1980.

3. Almond G. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations* / G. Almond, S. Verba. Princeton, 1965.
4. Arrighi G. *The Developmentalist Illusion. A Reconceptualization of Semiperiphery* / G. Arrighi. – Binghamton (N.Y.) : Fernand Braudel Center for the Study of economies, historical systems and civilizations, 1989.
5. Lipset S. *The Democratic Century* / S. Lipset, J. Lakin. – University of Oklahoma Press, 2004. – 478 p.
6. Wallerstein I. *The States in the Institutional Vortex of the Capitalist World-Economy* / I. Wallerstein // *International Social Science Journal*. – 1980, Vol. 32. – № 4. – Pp. 743–751.
7. Wallerstein I. *World-System Analysis: the Second Phase* / I. Wallerstein. – Review, 1990, Vol. 3. – Pp. 287–293.
8. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. – СПб. : Университетская книга, 2001. – 416 с.
9. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация / И. Валлерстайн. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 176 с.
10. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение / И. Валлерстайн. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.
11. Генисаретский О. Культурная политика: не сегодня, скорее завтра / О. Генисаретский // *Российское экспертное обозрение*. – 2007. – № 6 (23).
12. Градировский С. Культурная бесполитика / С. Градировский // *Российское экспертное обозрение*. – 2007. – № 6 (23).
13. Колганов А. И. Что такое социализм? Марксистская версия / А. И. Колганов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 616 с.
14. Кордонский С. Г. Ресурсное государство : сб. ст. / С. Г. Кордонский. – М. : Regnum, 2007. – 108 с.
15. Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России / С. Г. Кордонский. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2008.
16. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – 2-е изд., т. 3. – 630 с.
17. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – 2-е изд., т. 4. – 616 с.
18. Поппер К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. – М. : Прогресс, 1983. – 605 с.
19. Сюкияйнен Л. Исламская политико-правовая культура и демократизация в мусульманском мире: конфликт или совместимость? / Л. Сюкияйнен // *Религия и Конфликт* : сб. ст. под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 287 с.
20. Троцкий Л. Д. Перманентная революция / Л. Д. Троцкий. – М. – СПб. : АСТ, 2005. – 570 с.

References

1. Almond G., Powell B.-Jr. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston: Little, Brown & Co., 1966.
2. Almond G., Verba S. *The Civic Culture Revisited*. Boston: Little Brown, 1980.
3. Almond G., Verba S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, 1965.
4. Arrighi G. *The Developmentalist Illusion. A Reconceptualization of Semiperiphery*. Binghamton (N.Y.) Fernand Braudel Center for the Study of economies, historical systems and civilizations, 1989.
5. Genisaretskiy O.I. Kul'turnaya politika: ne segodnya, skoree zavtra [Cultural Policy: not Today Rather Tomorrow]. *Rossiyskoe ekspertnoe obozrenie* [Russian Expert Review]. 2007, no. 6 (23).
6. Gradirovskiy S.N. Kul'turnaya bespolitika [Cultural Policyless]. *Rossiyskoe ekspertnoe obozrenie* [Russian Expert Review]. 2007, no. 6 (23).
7. Kolganov A.I. *Chto takoe sotsializm? Marksistskaya versiya* [What socialism is? Marxist Version]. Moscow: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012. 616 p.
8. Kordonskiy S.G. *Resursnoe gosudarstvo: sbornik statey* [Budgets State: Collected Articles] Moscow: Regnum, 2007. 108 p.
9. Kordonskiy S.G. *Soslovnaya struktura postsovetskoy Rossii* [Estate Structure of post-Soviet Russia]. Moscow: Institut fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2008.
10. Lipset S., Lakin J. *The Democratic Century*. University of Oklahoma Press, 2004. 478 p.
11. Marx K., Engel's F. *Sochineniya* [Collected Writings, Vol. 3]. 2-edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. 630 p.
12. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Collected Writings. Vol. 4]. 2-edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955. 616 p.
13. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and Growth of Scientific Knowledge]. Moscow: Progress, 1983. 605 p.
14. Syukiyaynen L. *Islamskaya politiko-pravovaya kul'tura i demokratizatsiya v musul'manskom mire: konflikt ili sovmestimost'* [Islamic Political and Lawful Culture and Ddemocratization in Moslem World: Conflict or Compatibility]. *Religiya i Konflikt: Sbornik statey; pod redaktsiyey A. Malashenko i S. Filatova* [Religion and Conflict: Collected Articles]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007. 287 p.
15. Trotskiy L.D. *Permanentnaya revolyutsiya* [Permanent Revolution]. Moscow, St. Peterburg: AST, 2005. 570 p.
16. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [Analysis of world-systems and situations in the modern world]. Saint-Petersburg: Universitetskaya kniga Publisher, 2001.

17. Wallerstein I. *Istoricheskiy kapitalizm. Kapitalisticheskaya tsivilizatsiya* [Historical Capitalism with Capitalist Civilization]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK Publisher, 2008.
18. Wallerstein I. *Mirosistemnyy analiz: vvedenie* [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow: Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego» Publisher, 2006.
19. Wallerstein I. The States in the Institutional Vortex of the Capitalist World-Economy. *International Social Science Journal*, 1980. Vol. 32, no. 4, pp. 743–751.
20. Wallerstein I. *World-System Analysis: the Second Phase*. Review, 1990, Vol. 3, pp. 287–293.

**НАПРАВЛЕНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМСКИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Нунуев Саид-Хамзат Махмудович, кандидат исторических наук

Чеченский государственный университет

364037, Российская Федерация, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Шерипова, 32

E-mail: nunuev2015@yandex.ru

В статье выявляются направления конфессиональной политики Российской Федерации в отношении исламских общественных объединений в контексте политики обеспечения национальной безопасности. Внимание уделено правовой регламентации конфессиональной политики и её целеполаганию в выступлениях политических лидеров государства. Определено влияние институционального строения исламских общественных объединений на конфессиональную политику. Предложены рекомендации по совершенствованию методик взаимодействия государства с исламскими религиозными объединениями в противодействии экстремизму. Дан прогноз развития российской конфессиональной политики в ареале распространения ислама.

Ключевые слова: конфессиональная политика, направления, исламские религиозные объединения, национальная безопасность, Российская Федерация, обеспечение

**DIRECTIONS OF CONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION
ON THE ISLAMIC RELIGIOUS ASSOCIATIONS
IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY PROCURING**

Nunuev Said-Hamzat M., Ph.D. (History)

Chechen State University

32, Sheripova st., Grozny, Chechen Republic, 364037, Russian Federation

E-mail: nunuev2015@yandex.ru

The article identifies directions of confessional policy of the Russian Federation in respect of Islamic religious associations in the context of national security policy. Attention is paid to the legal regulation of confessional policy and its goal-setting in the speeches of political leaders of the state. The influence of the institutional structure of the Islamic religious associations in the confessional policy is established. Recommendations on improvement of methods of interaction of the state with Islamic religious associations in countering extremism are made. The forecast of development of Russian confessional policy in the area of the spread of Islam is done.

Keywords: confessional policy, directions, Islamic religious associations, national security, the Russian Federation, procuring

Актуальность темы статьи проявляется в том, что в условиях роста религиозности необходим эффективный мониторинг конфессиональной политики Российского государства. Данная политика неразрывно связана с обеспечением национальной безопасности, государственной национальной политикой. Совокупность направлений политики, удельный вес каждого из них во всей системе мер специфичны применительно к различным конфессиям. Следует учесть, что политика в конфессиональной сфере общества по своей сути и методам неизбежно предполагает диалоговое взаимодействие органов государственной власти с религиозными объединениями, а не только директивно-управляющие меры. Исламские религиозные объединения стали весомым участником реализации государственной политики обеспечения национальной безопасности и межконфессионального согласия. Численность мусульман в России оценивается от 8 до 20 млн. чел. (без учета иммигрантов), что делает их второй по влиянию конфессией страны [9, с. 109–110]. Среди религиозных организаций, зарегистрированных Министерством юстиции РФ на 1 января 2013 г., исламские составляют 18,1 % и имеют устойчивую тенденцию к повышению удельного веса [19]. В республиках Северного Кавказа (кроме Адыгеи и Северной Осетии) ислам доминирует, а в Татарстане и Башкортостане – преобладает в конфессиональной сфере. Эти обстоятельства делают насущным исследование политики